

Эта книга для Кэт

ПРОЛОГ

И СНОВА ТОТ ЖЕ СОН.

И снова тот же день.

Во сне Артоло, уроженец Гхирданы, вальяжно прохаживался по улицам Нового города, кварталам древнего Гвердона. Весенний воздух освежал, и упругая походка Артоло бодро пружинила. Он глядел вдаль на невероятную панораму Нового города, на средоточие мостов и шпилей, походившее на пенную волну, что застыла и обрарилась в мрамор. Глядел ввысь на башни, сотворенные за одно мгновение ошибкой в расчетах алхимиков — по крайней мере, так утверждала молва. Гвердон был известен всему миру в основном диковинным алхимическим промыслом. Боевые орудия из его котлов и плавильных печей утекали потоком за море — на Божью войну, а золото с серебром струилось обратно.

На взгляд Артоло, этот Новый город был ситом, подставленным под Гвердон, чтобы его семья снимала себе золотую и серебряную накипь. Город был порождением смуты и бедствий, а смута всегда предоставляет большие возможности тем, кто хладнокровно выжидает своего часа. Поэтому из всей семьи Прадедушка и выбрал надзирать за деятельностью в Гвердоне именно Артоло. Его крепкие руки никогда не дрожали.

И за месяцы пребывания здесь он подтвердил удачность этого выбора. Сломил местное преступное сообщество, Братство, которое вело дела сидя в Мойке — самом загаженном районе города. Теперь он над ними хозяин.

Конечно же, разобрался со всеми, кто пытался выступить против.

Потому как, наехав на Артоло, ты наезжал на Гхирдану, а на Гхирдану не наезжает никто.

Никто не смеет идти против дракона.

Пока это только начало. Новый город по-настоящему пока что ничей. Половина этих зачарованных высоток пусты или заняты местной голытьбой, а то и вообще беженцами, за которых некому заступиться, — их легко будет отсюда прогнать. Гвердон до сих пор залечивал раны, приходил в себя после Кризиса. Восковые големы городского дозора, сальники, сгинули с улиц. Алхимики перестраивали разрушенные фабрики; Братства больше нет; парламент пришиблен, им управляет состряпанный наскоро комитет. Даже здешние боги в полном упадке.

Повсюду раздолье. Повсюду поспели плоды, только рви. Артоло провел здоровенной лапищей по мраморной окантовке балкона, наслаждаясь приятным чувством. Пристукнул по перилам кольцом Самары, и показалось, будто весь город задрожал, затрепетал от его касания, словно в испуге.

Словно лошадь, которую пора объездить. Женщина, которую пора взять.

Приятное чувство. Правильное. Прямо как в первый раз, когда Прадедущка взял его в полет. Новый город растянулся перед ним облаком на сияющем небе, и Артоло парил навстречу своей славной судьбе.

Во сне он спускался по лестнице. Его люди склоняли головы перед ним, полушепотом произносили почтительные слова. Скоро перед ним склонится весь город. Перед боссом Артоло, Прадедущкиным фаворитом. Прадедущкиным Избранником.

Он сошел вниз. В подвале ждали двое его парней: кузен Волио и Тиск. Верные люди, хотя Тиск всего лишь Эшдана, отмеченный пеплом, а не потомок драконьего рода. Они держали пленного.

Пленную. Молодая темноволосая женщина вырывалась из рук, как уличная кошка. И орала не хуже.

— Тихо, — прикрикнул он. Взял девушку за подбородок, повернул к себе лицом. У нее на коже темные крапинки, как точечные следы ожогов. На шее висит некра-

сивый кулон из какого-то черного металла. — Мне сказали, что ты шныряешь за мной. Крадешь у меня. Зарезала троих моих людей.

— Это вы только троих нашли, — зло буркнула она.

— Знаешь, кто я? — Он сдавил ей рот.

— Толо, — промычала она.

— Нет! — гаркнул он.

Он разжал руку. Достал свой кинжал. Золотая рукоятка инкрустирована самоцветами. Клинок — полученный от Прадедушки драконий зуб. Это более чем оружие — это знак доверия Прадедушки, знак власти гхирданского князя. Ему нравился вес, нравилось, как нож лежит в руке. Рукоять изготовили специально по его мерке.

Артоло саданул девушку кинжалом, эфесом в лицо. Поднес оружие к ее глазам:

— Видишь? Знаешь, что это такое? Я босс Гхирданы. Я Избранник дракона.

Он приставил кинжал к ее горлу, надавил, вмяная в кожу.

Еще немного сильнее, и кожу прорвет бодрый красный ручей.

Еще чуток протянуть, пропилить хрящ, и получится разрыв, дыхательное горло уступит стали, испустив горячие брызги.

— Пойти против меня — значит пойти против Гхирданы! — Здесь, в подвале, свидетелей нет. Только Воллио с Тиском. Только мерцание камня неправдоподобного Нового города. Но Артоло все равно нравилось произносить эти слова. Он много раз проговаривал их прежде. И сейчас произнес скорее ради себя самого. Напомнить себе о суровости. Напомнить о недопустимости неудач.

Он посмотрел девушке прямо в глаза. Никакого страха. С чего-то она взяла, что босс не станет доводить дело до конца. От этого он рассердился еще сильнее.

— Обокрасть меня, — прорычал он, — значит обокрасть дракона! — И чиркнул кинжалом поперек ее горла.

Послышался скрипучий, визгливый скрежет, как будто он прочертил лезвием по твердому камню. Там, где нож обтерся о мягкое девичье горло, сыпанули искры.

Кинжал — его драконозубый кинжал — не смог причинить ей вреда.

Однако каким-то образом клинок повредил подвалу, где они находились. Дюжина ран открылась в белых, светящихся стенах, глубокие влажные расселины надсекли камень, подражая росчерку ножа по ее глотке. На которой — ни единой царапины.

Чудо. Ублюдское, нахрен, чудо.

Но Прадедущка говорил ему, что в Гвердоне не осталось святых.

Каменный пол содрогнулся, отшвыривая от девушки Тиска и Волио. Подручные грохнулись в противоположных углах подвала. Потолок растаял, длинные пальцы блестящего камня отслоились с него, как сталактиты, переплетающиеся стебли и бутоны из прочной кладки. Волио и Тиск оказались мигом замурованы, заключены в камень. Артоло слышал их крики паники, заглушенные толщей стен.

Девушка медленно встала со зловещей ухмылкой. Раскрасневшаяся от восторга, опьяненная силой.

Подвальная дверь позади нее задрожала, а затем сплавилась с подтаявшей притолокой. Единственный выход отсюда наглухо закупорен. Помощь звать бесполезно.

Нож не берет эту бабу. Он врезал ей по носу оголовьем рукоятки. Стены комнаты — нет, нижние боги, весь Новый город принял удар на себя. А она невредима. Артоло тут же вмазал ей в рожу — как вмазал по стене. На одернутом кулаке закровоточили костяшки, а для нее это было всего лишь игрой.

Он не способен ее поранить. Не способен убить. Ни пистолета, ни чего-то более разрушительного при нем нет. Почему, проклятье, он не взял пистолет? За морем ему доводилось убивать святых, только не голыми руками. Тем более без Прадедущки.

Прадедущку подводить нельзя. Подводить Прадедущку — недопустимо.

В подвале кончался воздух, ему нечем дышать. Подкашиваются ноги, и в смятении не понять, то ли течет пол, то ли колени совсем обмякли. Девушка уже нависла над

ним, мстительная и ужасная. На четвереньках он попятился, вернее — попробовал отползти, но поверхность стала зеркальной — гладкая, скользкая.

Она подобрала его драконозубый кинжал, полюбивалась на самоцветную рукоять. Со знанием дела повертела, изучая грань лезвия.

— Ты его затупил, — сказала она. — Говно твой резак. — Девушка отбросила кинжал на пол. — Ничего, у меня свой есть, — смеясь добавила она и извлекла собственный клинок откуда-то из складки плаща.

Воллио не обыскал эту суку?

— Зови меня Святой Карательницей, — сказала девушка, подступая к нему. Вдруг она остановилась, взглянула на потолок: — Чего? Нормальное имя! — Подождала, будто прислушивалась к какому-то голосу, недоступному Артоло. — Ладно, тогда у меня будет волшебный карающий нож. Или офигительный огненный меч. Но сначала... — Она опять обратилась к Артоло. Глаза у нее переливались подобно мрамору Нового города под солнцем: — Этот город — мой. Я знаю, что вы тут делаете. Знаю, зачем сюда приперлись.

Ей неоткуда об этом знать, подумал Артоло. Прадедушка доверил ему задание, столь секретное, что невозможно поручать такое никому вне семьи. Ей неоткуда было узнать о Черном Железном оружии. Да кто вообще эта девка?

— Убью, тварь. — Артоло начинает грозить, собрав остатки своей прохуdivшейся храбрости. Должен быть способ ее достать. Ядовитый газ. Кислота. Чары. Драконье пламя. Она человек. — Семью вырежу.

Женщина хохочет.

— Поздновато уже. Но раз мы дошли до угроз... — Она смыкает кулак, и стена, запиравшая Воллио, повторяет ее движение. Сдавленный крик, и из каменных трещин сочатся алые потеки.

— Я найду — как.

Девчонка его не слушает:

— Гхирдана здесь никому не нужна. Возвращайся и так и передай своему дракону. — Она делает жест, и сзади

отворяется стена — волнообразно растекается, открывая проем. Из этого второго выхода тянет могильным смрадом упырьих туннелей.

Она переступает через него, будто через пустое место. Не ведет и бровью, будто его нет.

Никто не обращался с ним так. Ведь он — Артоло из Гхирданы. Прадедушкин фаворит. Избранник дракона!

Кинжал, драконий зуб, уже в руке. Пружиня ногами, Артоло наскакивает на нее. Стерва вполтину меньше него, мелкая, слабая и, да провались эти чудеса, всего лишь девчонка. Неожиданный удар, и...

...Сон заканчивается, как и всегда. Девушка делает разворот, будто бы видит его бросок. Нож входит ему под ребра. Она отклоняется, а инерция толкает Артоло вперед, и на белых стенах теперь алое, алое, алое. И он падает, словно сорвавшись с могучей спины Прадедушки.

А дракон продолжает полет и не оглядывается.

ГЛАВА 1

В ИНЫЕ ДНИ КАРИ ПРИХОДИЛОСЬ напоминать себе, что не все прошлое было сном. Теперь с нею привычная корабельная качка. Запах морского ветра и трюмная вонь. Скрип канатов и древесины, плеск воды об обшивку, крики матросов — все, из чего раньше состояла жизнь, стало ею опять. Необъятная ширь — небеса, а под ними море.

Кари облокотилась о фальшборт на носу, осматривая горизонт. Пустой простор делал ее упоительно безымянной. Открытый океан не признавал имен, которыми пытались наделить его смертные или боги. Не принимал истории, существуя лишь в настоящем, всевечном сейчас. Океан дарил рождение заново с каждой набегавшей волной.

В океане ее сухопутная жизнь казалась сном.

«Но то был никакой не сон, правда?» — произнесла про себя Кари, и пальцы сжали черный амулет, вновь украсивший ее шею. На ответ не приходилось рассчитывать — Шпат за полмира отсюда. Даже будь она сейчас в Новом городе, в сердце великого поселения, которое ненароком сотворила из его мертвого тела, неизвестно, смог ли бы он отозваться.

Но Кари все равно мечтала об ответе. Изо всех сил напрягала некое психическое подобие слуха.

Ничего.

Только круговерть собственных растрепанных мыслей.

Забавно, как ни крути. От страха перед зовом незримых сил она когда-то сбежала из дома, найдя покой в

обезличенности океана. С расстоянием голоса в голове глохли. Каждая новая миля от Гвердона ложилась бальзамом на израненную душу.

А теперь страшит отсутствие одного конкретного голоса, и каждый день плавания — непозволительная трата времени. Если бы только был способ телепортироваться на край света, а не месяцами обходить Божью войну кругом, она давно так бы и поступила, в задницу любую цену.

«С тобой всегда все непросто», — мысленно проворчала она. И снова не получила ответа. Только воспоминание, как на задворках улицы Желаний двоюродная сестра Эладора, лежа в крови, зло шептала: «Ты вечно все портишь».

Ну, уж не в этот раз.

— Ильбарин! — долетел окрик из вороньего гнезда. — Вижу Ильбаринский Утес!

Кари уставилась на горизонт, высматривая горб далекой горы. Снизу пока мало что видно. Она справилась с желанием взобраться на такелаж и как следует осмотреться. Половина прежней жизни прошла на снастях, и раскачка мачты не внушала ей страха. Но ценный трофей нельзя бросать без присмотра. Кари похлопала по непромокаемому свертку, с которого шесть месяцев не спускала глаз, — внутри качнулась ободряюще увесистая книга. Ободряюще увесистая? Скорее, пипец, неподъемная. Книга была громадной до нелепости, а обложка окована металлом с мощным замком. Еще, поди, и с осторожными чарами. Хреновина остановит пулю, причем не самую мелкую. Если Кари когда-нибудь попадет под артобстрел (в смысле снова), то прикроется этой дурацкой книжкой.

Гримуаром доктора Рамигос, если уж именовать ее более-менее подобающе. Судя по объяснениям Эладоры, это своего рода чародейский дневник. Хотела бы Кари знать, какие страницы журнала колдуньи и впрямь важны. Разбирайся она, что ценно, что нет, то просто вырезала бы нужные листы и свернула их в удобненький свиток. Так нет же — все написано непостижимыми заклинательными рунами. Никак не понять, где потрясающие мир таин-

ства, а где волшебные рукописания навроде «Расстройство желудка, день восьмой. Сегодня стул зеленоватого цвета, без резкого запаха», поэтому приходилось таскать том целиком. Она перла чертову книжку из Гвердона в Хайт, через море до Варинта, на юг в Паравос, потом за Халифаты на Огнеморье — и вот уже скоро Кхебеш.

Стоит задуматься: шесть месяцев с книгой попадают в ряд ее самых продолжительных отношений с кем бы то ни было, притом что Кари не могла прочесть ни единой строчки.

Она снова напрягла слух. Шпата веселили ее шумные тирады. А она до сих пор просеивала мысли, отбирая те, что могли бы его порадовать. Но, увы, он — прореха в душе, незримая рана. Отрубленная конечность, которой не было у прочих людей. С ней нынче лишь собственные мысли, а для Кари остаться наедине с собой всегда значило попасть в дурную компанию.

Кое-кто из моряков мог бы ее понять. Некоторым из них тоже пришлось пройтись под занебесной сенью. Это не гвердонское судно; Кари села на борт в... одном из портов, занятых Халифатом, что ли? В Тервозе или то была предыдущая пересадка в ее долгом, извилистом путешествии? Судно не из Гвердона означало не гвердонскую команду, и на борту находились тронутые богами. С ними плыл Эльд — заклинатель погоды, мелкий святой Матери Облаков. Он околачивался повсюду, жаловался на опухшие колени и вздутый живот и, когда требовалось, рожал воздушных сильфов, чтобы те наполняли паруса, поддавая кораблю ходу. У другого матроса на закорках каталось могильное дитя из Уль-Таена, морок детского жертвоприношения. Кари иногда видела это дитя, если солнце било под правильным углом. И еще был наемник с наколотой на груди сигиллой Царицы Львов.

Все плавание она держалась от него подальше.

На одну жизнь с нее врагов уже хватит.

Утес Ильбарина рос. Судно пробиралось через загаженное обломками море. Доски колыхались на воде и бились о корпус.